

Температура тела.

После смерти человека его температура начинает постепенно падать. В ледяном погребке этот процесс идет еще быстрее. Если бы к моменту обнаружения тело оставалось теплым, значит, умереть он никак не мог прошлым вечером...

Джорджиана перелистнула последнюю страницу, захлопнула книгу и лишь тогда глубоко вздохнула.

Она подняла голову и заметила, что за окном солнечный свет уже окрасился в золотистые тона — в те самые, которые бывают перед закатом. Ее шея слегка затекла, а плечи онемели; она даже не представляла, сколько просидела так, погруженная в чтение.

В этот момент взгляд ее упал на столик рядом.

Чай и легкая закуска, принесенные Энн: чашка чая и несколько маленьких пекетиков.

Чай остыл до предела.

Она протянула руку и коснулась чашки — холодная, ни малейшего намека на тепло.

Джорджиана невольно улыбнулась.

В ту же секунду дверь кабинета внезапно распахнулась.

Фицвильям Дарси быстрым шагом вошел внутрь, и на его лице отчетливо читалась тревога. Заметив сидевшую у окна Джорджиану, он резко замер, и выражение его лица разом смягчилось.

— Джорджиана! — он подбежал к ней. — Ты здесь... Я искал тебя уже довольно долго.

Джорджиана удивленно посмотрела на него:

— Искал меня?

— Слуги сказали, что после обеда ты была в кабинете, и я пришел сюда, — Дарси опустился на стул напротив. — Но ты все не выходила к ужину, и я подумал...

Он не договорил.

Джорджиана на мгновение растерялась.

Ужин?

Она взглянула в окно — небо и вправду уже успело стемнеть.

— Я... — она смущенно опустила голову. — Читала книгу и потеряла счет времени.

Взгляд Дарси упал на книгу в ее руках.

— Что за книга такая, раз от нее оторваться невозможно?

Джорджиана протянула ему роман.

— Ее прислали из лондонского особняка, — произнесла она. — Детектив. Написано... написано просто великолепно.

Дарси взял книгу и бросил взгляд на обложку.

«Сборник детективных расследований Фрэнсис Уолстоун. Том первый».

Автор: Томасон.

Детектив.

Он слегка нахмурился.

— Детектив? — Дарси открыл первую страницу и бегло просмотрел несколько строк. — Из тех... готических? С кровавыми ужасами?

Джорджиана покачала головой.

— Нет, — ответила она. — Совсем не то. Почитай сам.

Дарси взглянул на нее, больше ничего не говоря, опустил голову и принялся читать.

Он стоял.

Прямо у окна, держа книгу в руках и переворачивая страницу за страницей.

Солнце уже полностью скрылось за горизонтом, Энн зашла, чтобы зажечь свечи, и бесшумно удалилась. Джорджиана сидела на диване и наблюдала за ним.

Он ни разу не поднял головы.

Она видела, как его брови слегка сдвинулись — но не от недовольства, а от глубокой задумчивости. Она видела, как его взгляд скользил по строчкам вслед за буквами, то и дело замирая, словно над чем-то размышляя, а затем двигаясь дальше.

Она вспомнила, как сама выглядела, когда только начала читать эту книгу.

Точь-в-точь.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Дарси наконец дошел до последней страницы.

Он закрыл книгу и замер на месте на несколько секунд.

Затем он поднял голову и встретился взглядом с Джорджианой.

На его лице застыло странное выражение — словно он немного смущался, а заодно забавлялся собственным увлечением.

— Я... — начал он хрипловатым голосом. — Я ведь стоя дочитал всю книгу до конца.

Джорджиана не удержалась от смеха.

— Я тоже, — призналась она. — Села здесь после обеда и читала, пока совсем не стемнело. Чай даже остыл.

Дарси опустил глаза на книгу в своей руке, а затем перевел взгляд на другую, точно такую же, лежащую на столике.

— Она двухтомная?

— Угу. Первый том, два дела.

Дарси положил книгу обратно на столик и сел напротив нее.

— Ты была права, — сказал он. — Это не та кровавая и мрачная готика. Эта... эта история

совсем другая.

Джорджиана кивнула.

— Тот случай, где преступника разоблачили по отпечаткам пальцев, — заговорила она, — и второй — с температурой тела. Почему мне самой никогда не приходило в голову, что людей можно ловить вот так?

Дарси на мгновение умолк.

— Потому что никому и не приходило, — ответил он. — Этот автор... Томасон. Ему пришло.

Он сделал короткую паузу и добавил:

— Когда я читал, то все время думал: окажись я на месте того сыщика, как бы я поступил? Я бы изучал показания, мотивы, проверял, у кого была возможность. Но я бы ни за что не стал смотреть, стерта ли пыль на перилах лестницы, и не подумал бы проверять, остыло тело или еще теплое.

Он покачал головой.

— Этот автор умнее большинства сыщиков.

Джорджиана смотрела на него.

Она уже очень давно не видела, чтобы брат так разговаривал. После смерти отца он был вечно занят, измотан и молчалив, а если и заводил разговор, то лишь для того, чтобы обсудить дела или распорядиться по хозяйству, и у него совсем не оставалось времени сидеть и просто болтать с ней, как прежде.

Но сейчас он сидел здесь и обсуждал с ней книгу.

Детективный роман.

И ей вдруг показалось, что эта книга — вовсе не просто книга.

— Брат, — произвела она.

— Мм?

— Эту книгу... можно мне дочитать? Я еще не бралась за второй том.

Дарси улыбнулся.

— Разумеется, — он поднялся на ноги. — Как дочитаешь, дай мне знать. Я тоже хочу прочесть второй том.

Уже у самой двери он обернулся.

— Джорджиана, — позвал он.

— Да?

— В следующий раз, когда соберешься почитать, — сказал он с легкой улыбкой в уголки рта, — не забывай попросить Энн подогреть чай.

Дверь закрылась.

Джорджиана осталась сидеть у окна, глядя на уже прочитанную книгу.

Темно-синяя обложка, тисненые серебром буквы.

Фрэнсис Уолстоун.

Она не знала, кто автор этой книги, как он выглядит и где живет.

Но она знала одно: этим вечером книга вытащила ее из мрачного и тоскливого уныния.

За окном запел соловей.

Она взяла в руки еще не открытый второй том и перевернула первую страницу.

Одинокий огонек свечи слабо мерцал в окне дома номер 11 по Керзон-стрит.

Стояла глубокая ночь. Шаги на улице давно смолкли, далекая Пэлл-Млл тоже погрузилась в тишину, и лишь изредка доносились удары колотушки ночного сторожа, напоминавшие прохожим, что наступил час пополуночи.

Мистер Эджертон сидел в своем тесном, заваленном бумагами кабинете. Перед ним были

раскинуты бухгалтерские книги, толстые папки с отчетами о продажах и чашка давно остывшего чая. Свеча прогорела больше чем наполовину, стеарин залит повсюду, но он не обращал на это ни малейшего внимания.

Под рукой у него лежал чек.

Он долго вглядывался в этот чек, а затем тяжело и протяжно выдохнул.

Пять тысяч экземпляров.

Два месяца, пять тысяч экземпляров.

Сколько он приказал напечатать в самом начале? Тысячу комплектов. Он думал, что этого хватит на полгода. И что в итоге? Первый тираж разошелся подчистую, допечатали еще тысячу. Во втором месяце они снова раскупили всё до последнего, пришлось допечатывать третью тысячу. И теперь шел уже третий дотир — нет, уже четвертый.

Он взял бухгалтерскую книгу и снова пересчитал цифры.

При розничной цене в три шиллинга и шесть пенсов за комплект, за вычетом расходов на бумагу, печать, переплет и книготорговую скидку, чистая прибыль с каждого комплекта составляла примерно два шиллинга. Пять тысяч комплектов — это десять тысяч шиллингов.

Десять тысяч шиллингов делить на двадцать — пятьсот фунтов стерлингов.

Пятьсот фунтов стерлингов чистой прибыли.

Он закрыл глаза и мысленно пересчитал всё еще раз.

Все верно, пятьсот фунтов.

Из них он должен был отдать этому Томасону десятую часть — пятьдесят фунтов.

Пятьдесят фунтов.

За всю свою жизнь он еще ни одному автору не выписывал чек на такую огромную сумму. Пятьдесят фунтов — этого хватило бы обычной семье на два года жизни. Этого хватило бы, чтобы содержать его маленькую лавочку на Керзон-стрит целых полгода. Хватило бы, чтобы купить жене то самое новое платье, о котором она твердила уже несколько лет, а дочери нанять приличного домашнего учителя.

А от него требовалось лишь выписать этот чек, поставить подпись и запечатать в конверт.

Он горько усмехнулся.

Пятьдесят фунтов.

Этот Томасон — кто бы он ни был — заработал пятьдесят фунтов всего за два месяца.

А следующая книга этого Томасона, и еще одна после нее, и еще...

Мистер Эджертон не смел даже думать об этом.

Он знал: как только этот чек будет отправлен, тот самый Томасон перестанет быть просто начинающим автором. Те крупные издательства на Пэлл-Млл, которые поначалу даже не пожелали взглянуть на рукопись, теперь наверняка локти кусают от досады. Они ринутся сюда толпой, предлагая более высокие гонорары и куда более выгодные условия, лишь бы переманить этого писателя к себе.

А он? Он всего лишь мелкий издатель с Керзон-стрит, владелец потрепанной лавчонки, который когда-то рискнул предложить лишь десятую долю прибыли.

Чем он мог тягаться с такими гигантами?

Разве что...

Он отодвинул чек в сторону, взял перо и разгладил чистый лист бумаги.

Перо напиталось чернилами, и кончик зашуршал по бумаге.

Уважаемый мистер Томасон!

Позвольте прежде всего засвидетельствовать Вам мое искреннее почтение и уважение. С момента выхода в свет первого тома Вашего сборника детективных расследований Фрэнсис Уолстоун прошло ровно два месяца. За эти два месяца мы переиздавали книгу четыре раза, а общий тираж превысил пять тысяч проданных комплектов. Прилагаемый к этому письму чек — это причитающееся Вам на сегодняшний день вознаграждение в размере пятидесяти фунтов стерлингов.

Мистер Эджертон остановил перо и еще раз бросил взгляд на эту цифру.

Пятьдесят фунтов.

Он продолжил писать:

Я знаю, что для такого автора, как Вы, пятьдесят фунтов — лишь самое начало. И все же мне хочется, чтобы Вы знали: два месяца, пять тысяч экземпляров — это успех, подобного которому я не видел за все двадцать лет своей работы в издательском деле. Ваши книги отлично продаются в Лондоне, и я убежден, что очень скоро они разойдутся гораздо шире. В Эдинбург, Дублин, а быть может, и на Континент.

Вы создали удивительного персонажа, мистер Томасон. Фрэнсис Уолстоун — эта женщина с мансарды, та, что заставляет говорить отпечатки пальцев и температуру тела, — она далеко пойдет.

Он сделал паузу, и кончик пера замер над бумагой.

То, что следовало написать дальше, и было главным смыслом этого письма.

Мистер Томасон, я пишу Вам сегодня не только за тем, чтобы отчитаться в прибылях. Я хочу обратиться к Вам с одной просьбой — просьбой, над которой, я искренне надеюсь, Вы серьезно задумаетесь.

Я хочу заключить с Вами эксклюзивное издательское соглашение.

Если Вы согласитесь доверить эксклюзивное право на издание всех Ваших будущих произведений издательству Эджертон, я готов поднять Вашу долю с нынешней десятой части до полутора десятых.

Полтора десятых.

Что это значит, Вы понимаете лучше меня. Если Ваша следующая книга повторит успех первого тома, Ваши доходы возрастут в полтора раза. А если тиражи достигнут десяти, двадцати тысяч экземпляров — Ваши заработки исчисляться сотнями, а то и тысячами фунтов.

И всем этим я готов делиться с Вами.

Он глубоко вздохнул.

И продолжил выводить строки:

Я знаю, что при Вашей нынешней известности любое издательство Лондона с радостью протянет Вам руку помощи. Те люди с Пэлл-Млл, что некогда отвергли Вашу рукопись, теперь, должно быть, проводят ночи без сна. При желании Вы запросто сможете получить куда более

выгодные условия.

Но я прошу Вас подумать об одном: когда Ваша рукопись никому не была нужна, именно я подписал договор. Когда Вы настаивали на процентах от продаж, отказываясь от фиксированного аванса, именно я кивнул в знак согласия. Когда все вокруг твердили, что детективный роман никому не известного автора обречен на провал, именно я рискнул напечатать эту тысячу комплектов.

Я не хвастаюсь своими заслугами, мистер Томасон. Я лишь хочу сказать — я верил в Вас. Верил с самого начала.

И я очень надеюсь, что Вы продолжите верить мне.

Закончив этот абзац, он перечитал его еще раз.

Затем взял чек, аккуратно сложил его и вложил в конверт. Следом аккуратно сложил письмо и опустил туда же.

Залил край конверта сургучом и приложил печать.

Некоторое время он рассматривал готовый конверт при свете свечи.

Пятьдесят фунтов.

Полтора десятых.

Томасон.

Этот скрывающийся в тени загадочный автор.

Кто же он на самом деле?

Мистер Эджертон покачал головой. Неизвестно. Да и знать ему не положено. Писатель пожелал остаться анонимом — это его право. А задача издателя — выпускать хорошие книги, вести честный счет и вовремя отправлять деньги.

И все же он невольно задавался вопросом: согласится ли этот человек?

Или его все-таки переманят крупные издательства?

Он положил конверт на стол, встал и подошел к окну.

За окном Керзон-стрит тонула в ночном мраке. Вдалеке, со стороны Пэлл-Млл, едва заметно мерцали огоньки — быть может, в окнах тех самых солидных издательских домов кто-то точно так же, как и он, не смыкал глаз всю ночь, ломая голову над тем, как заполучить этого Томасона.

Он вдруг тихонько усмехнулся.

— Томасон, — прошептал он, — вы ведь вернетесь, правда?

Никто ему не ответил.

Три дня спустя. Лонгборн.

Мистер Беннет принял письмо из рук слуги, бросил взгляд на сургучную печать и чуть заметно улыбнулся уголкам рта.

Войдя в кабинет, он положил конверт перед Мэри.

— Из Лондона, — бросил он.

Мэри подняла голову и посмотрела на конверт.

Эту печать она узнала сразу — издательство Эджертон.

Она взяла письмо и вскрыла его.

Первым оттуда выпал чек.

Она опустила глаза на выведенную цифру.

Пятьдесят фунтов.

Ее рука замерла.

Пятьдесят фунтов.

Она смотрела на эту цифру очень, очень долго.

И прекрасно понимала, что она означает.

Это значит, что ее книга разошлась пятитысячным тиражом всего за два месяца.

Это значит, что пять тысяч человек — пять тысяч незнакомых ей людей — прочитали историю Фрэнсис Уолстоун. Эти люди сидели в лондонских гостиных, книжных лавках и кофейнях, перелистывая страницу за страницей то, что она написала собственными руками. Они вместе с той женщиной на мансарде вглядывались в отпечатки пальцев, высчитывали температуру тела и в конце концов замирали в озарении перед следом чужого пальца на дверной ручке.

Пять тысяч человек.

Внезапно ей захотелось заплакать.

И вовсе не из-за пятидесяти фунтов — хотя сумма эта и впрямь была огромной, ее хватило бы, чтобы купить Джейн целый шкаф сборников стихов, Элизабет — комнату, заставленную новыми книгами, Китти и Лидия получили бы самые роскошные платья, и еще осталось бы столько, чтобы перестать тревожиться о том, как выйти замуж, если никто не берет.

Все дело было в людях, скрывавшихся за этими цифрами.

В тех самых незнакомцах.

В тех, кто читал ее историю.

Она глубоко вдохнула, развернула письмо и принялась читать.

По мере чтения ее глаза сияли все ярче.

По мере чтения уголки ее рта поднимались все выше.

Добравшись до конца, она опустила письмо, подняла глаза и посмотрела на отца.

— Отец.

— Мм?

— Мистер Эджертон хочет заключить со мной эксклюзивный договор, — произнесла она. — И поднять мою долю... до полутора десятых.

Брови мистера Беннета взлетели вверх.

— До полутора десятых?

— Да.

Некоторое время он молчал, а затем тихо рассмеялся.

— А ты понимаешь, что это значит? — спросил он.

Мэри кивнула.

— Это значит, что он боится, как бы меня не увели другие.

Мистер Беннет рассмеялся еще веселее.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — Те крупные издатели с Пэлл-Млл сейчас наверняка уже всю наводят справки. Они явятся к тебе с контрактами на две или даже три десятых доли, будут манить тебя лучшей бумагой и самым дорогим переплетом и станут уверять, будто какая-то лавчонка вроде издательства Эджертон тебя недостойна.

Он сделал паузу и испытующе посмотрел на Мэри:

— И как же ты поступишь?

Мэри опустила голову и еще раз взглянула на письмо.

Слова на бумаге были написаны рукой самого мистера Эджертон. Каждая чернильная линия выведена его пером. Он написал: «Я верил в Вас. Верил с самого начала».

Она вспомнила те дни, двухмесячной давности, когда отец вез в Лондон две папки рукописей. Вспомнила отказы крупных издательств, типографии на Флит-стрит, печатавшие лишь юридические талмуды, и ту затерянную в переулках маленькую лавочку под номером 11 на Керзон-стрит.

Именно этот человек рискнул поставить на нее.

Именно этот человек кивнул в знак согласия тогда, когда она не представляла собой вообще ничего.

Она аккуратно сложила письмо и вернула его в конверт.

— Я еще не решила, — ответила она. — Но я обязательно отвечу ему.

Мистер Беннет кивнул, поднялся с кресла и направился к двери.

— Обдумывай не спеша, — бросил он на ходу. — Теперь у тебя есть на это полное право.

Дверь закрылась.

Мэри осталась сидеть в кабинете одна, сжимая в руке чек на пятьдесят фунтов.

За окном сиял прекрасный солнечный день.

Она вдруг вспомнила Фрэнсис Уолстоун.

Ту самую женщину с мансарды, которую все недооценивали и не понимали, но которая всегда замечала то, чего не видел никто другой.

Сама она когда-то была точно такой же.

Но теперь все изменилось.

Пять тысяч человек прочитали ее историю.

Пять тысяч человек знают Фрэнсис Уолстоун.

И очень скоро их станет еще больше.

Она взяла перо и разгладила чистый лист бумаги.

Мэри просидела в кабинете с письмом в руках очень долго.

Солнечный свет за окном из косого превратился в отвесный, а затем стал клониться к западу, падая на лежащий перед ней стол, на вскрытый конверт и на чек на пятьдесят фунтов.

Она не шевелилась.

Она думала.

Вспоминая те дни двухмесячной давности, когда отец возил в Лондон две части рукописи. Вспоминая, как она сидела в гостиной, прислушиваясь к ударам собственного сердца в ожидании вестей. Вспоминая, как отец вернулся и, вынув из дорожной сумки контракт, протянул ей.

Тогда мистер Эджертон понятия не имел, кто она такая.

Тогда он был лишь скромным издателем с Керзон-стрит, хозяином обветшалой лавочки и простым человеком, решившимся на рискованную ставку. Крупные дома с Пэлл-Млл презрительно отвернулись от ее рукописи, типографии Флит-стрит признавали лишь судебные фолианты, и только он — лишь он один остановился, раскрыл эти листки и стал читать страница за страницей.

Он дочитал до конца.

А потом произнес: эта книга будет продаваться.

Она вспомнила слова, переданные отцом: «Наполовину из уверенности, а наполовину потому, что захотелось, чтобы эту книгу прочитало как можно больше людей».

Это были ее собственные слова.

И он их запомнил.

Теперь же прошло два месяца. Пять тысяч человек прочли ее книгу. Чек на пятьдесят фунтов лежал у нее на ладони. Он писал ей посреди ночи, умоляя остаться.

Полтора десятых.

Эксклюзивный договор.

Мэри подняла чек и еще раз взглянула на него.

Пятьдесят фунтов.

Этого хватило бы Джейн на покупку сборников стихов до конца жизни. Этого хватило бы Элизабет, чтобы забить книгами целую комнату. Китти и Лидия могли бы сшить по десять новых платьев каждая, и еще осталась бы солидная сумма. Ей больше не пришлось бы тревожиться о том, как быть, если не удастся выйти замуж — хотя миссис Беннет наверняка продолжала бы причитать по привычке, но те слова уже не смогли бы ее ранить.

И все же...

Она отложила чек, взяла письмо и перечитала его снова.

Когда Ваша рукопись никому не была нужна, именно я подписал договор. Когда Вы настаивали на процентах от продаж, отказываясь от фиксированного аванса, именно я кивнул в знак согласия.

<http://bllate.org/book/22034/2290822>